

Девочки (дневник матери)

**Публикацию
подготовила
А. Раскина.**

*Продолжение.
Начало в № 8–12
за 2010 год
и в № 1–6 за 2011 год*

**Гале Кулаковской 12 лет 6 месяцев,
Саше Раскиной 7 лет 4 с половиной месяца.**

Из Изинога письма [1]

...Фридоочка, ты просишь меня припомнить какие-нибудь фронтовые эпизоды, материал для твоей будущей повести. Поначалу я тебе расскажу про Илью Мнухина и про то, как отец летал на фронт.

Пусть и Галка и Сашка почитают. Галка — та ведь даже могла запомнить Мнухина. Сашка была еще мала, а ты где-то в командировке.

Так вот, летом 1944 года, во время наступления 3-го Белорусского фронта на Минск, я познакомился с командиром транспортной эскадрильи, капитаном Ильей Мнухиным. Эскадрилья помогала нам перебазироваться на очередной аэродром по пути на запад, вслед за стремительно наступавшей пехотой. На этого Мнухина нельзя было не обратить внимания. Он был громаден весь. Всё было пропорционально его росту — голова, нос, губы, руки с пальцами, каждый из которых был соответственно велик. Ноги бог весть какого размера, но наверняка больше максимального интендантского 45–46-го. Он ничего не мог использовать из обмундирования, полученного непосредственно на вещевом складе — все для него перешивалось, шилось, увеличивалось. И голос соответствующий — бас.

Он еще до войны был в гражданском воздушном флоте пилотом I класса. Летал замечательно, в любую погоду, что по тем временам было очень непросто. (Это теперь автоматы и приборы слепого самолетовождения и слепой посадки.) Внешне его можно представить себе так: здорово похож на известного артиста Иону Бий-Бродского, игравшего смешного Шлёму в кинофильме «Искатели счастья». (Помнишь, он говорит старой еврейке: «Тетя Двойра, мне нравится ваша Роза»?)

Между прочим, это сходство многие подмечали и на всем фронте называли Илью ласково «Шлёмой». А он был не дурак выпить; мне льстило знакомство с ним, и я его пригласил к себе на новом аэродроме в гости. Мы встречались с ним еще несколько раз, при каждом перебазировании на запад, когда он привозил к нам для инспекции генерала Хрюкина, командующего воздушной армией (он уже сейчас умер), который любил с ним летать.

Весной 1945 года мы стояли на аэродроме около одного из немецких городов. Рядом был штаб воздушной армии, и Ильюшкина эскадрилья базировалась с нами на одном аэродроме. Мы стали видеться еще чаще.

Однажды ко мне заходит Илья и говорят: «Готовь приветы, я лечу на пару дней в Москву». Я написал письма маме с папой и тебе.

Мнухин улетел в Москву в середине марта месяца, когда мы вели тяжелые бои за взятие Кенигсберга, нынешнего Калинингра-

да. У немцев было много истребительной авиации и очень много зенитной артиллерии, стянутой со всей Восточной Пруссии, и мы несли тяжелые потери.

В один из мартовских дней, когда позади были уже два боевых вылета, меня снова вызвали в штабную землянку. Я решил, что будут давать задание на третий полет. Третий вылет за один день для фронтового бомбардировщика — это много, и я не особенно-то был доволен такой перспективой. Дело шло к вечеру, день был ясный, и я не сомневался, что к тому времени, когда мы выйдем на цель, солнце будет на западе и будет бить в глаза, слепить, и цель найти в таких условиях очень трудно, трудно прицеливаться. Возможно, что придется зайти с тыла, с запада, а, значит, дольше быть под обстрелом.

Но я ошибся. В землянке командир полка Палий объяснил мне, чтоб я шел домой, меня там ждут и что летать сегодня мне больше, вероятно, не придется.

Я шел и думал: кто меня ждет? Вообще-то могли ждать и приятели из соседнего истребительного полка, и знакомые из базировавшегося в городке эвакогоспиталя. Но я чувствовал, что ждет меня кто-то другой, какой-то необычный гость.

Я быстро вбежал на свой второй этаж, вошел в комнату... На диване сидел, откинувшись на спинку, руки немного назад, папка.

Его я не ожидал, не мог ожидать ни при каких условиях, это было исключено, это было невероятно.

Мы обнялись. Руки у отца дрожали, он был очень взволнован. Смотрел на меня с гордостью. Очевидно, ему понравился мой боевой вид — шлемофон у пояса, комбинезон, огромный немецкий парабеллум, висевший в кобуре (крымские трофеи) и, главное, загар. Ранней весной, когда много солнца, лица у летчиков преждевременно загорают, кожа обветрена... Это придает лицам особенно мужественное выражение.

Конечно, отца привез Илья Мнухин. Только у него одного могло хватить дерзости (и нахальства) без всякого на то разрешения свыше (которого никто ему и не дал бы) взять на борт военного самолета, принадлежавшего лично командующему воздушной армией, шестидесятилетнего московского доцента кафедры педагогики, глубоко штатского, и доставить его непосредственно на полевой аэродром гвардейского Таганрогского многих орденов Красного знамени, Суворова, Кутузова и т. д. бомбардировочного полка.

Папа рассказал мне, как было дело.

Открылась дверь, и вошел совершенно необъятных размеров летчик. «Привез вам привет от сына». Счастливая мама подбежала поближе. Ростом она была ему примерно до пояса. Вообще образ Ильи Мнухина остался легендой в нашей семье. Мама знала, как надо принимать моих друзей с фронта. Для этой цели всегда у нее был Н.З. (неприкосновенный запас), в основе которого лежали водка и сухая колбаса. Илья пришел еще с одним летчиком.

Мама усадила их за стол и поставила Н.З. Этого оказалось недостаточно, и Илья кое-что добавил из своего кармана. Мама со страхом смотрела на горсточку котлет и колбасы, совершенно несообразную с Ильюшиным ртом. (К слову сказать, Илья ел мало.) Мама предложила им переночевать у нас, и они охотно согласились. Очевидно, после фронта было приятнее переспать в домашней обстановке, чем в гостинице московского коменданта.

Поздно вечером вновь собрались за столом: Илья с Томилиным, мама, папа. (Да еще Галка с Сашей.) Мама рассказывает, что Сашка охотно пошла на руки к Илье и ее попка полностью уместилась в его огромной руке. Он выгибал руку вперед, и Сашка была довольна. Разговор шел обо мне, о фронте.

Много хлопот вызвало устройство постели для Ильи. К кушетке придвинули два наших древних кресла (в которых, помнишь, когда мы были маленькие, были внезапно обнаружены

16 000 николаевских бумажных денег?). Но и этих кресел оказалось мало. Пришлось добавить стул. Назавтра оба наших гостя пришли днем. Мама снова усадила их за стол пить чай. Илья сказал, что завтра уже увидит меня и расскажет мне, какие у меня гостеприимные родители.

— Как же я вам завидую, что вы увидите сына, — сказала мама.

— Ну, если уж вы так хотите видеть сына, — то летим завтра со мной!

Командующий остался на несколько дней в Москве, и они шли обратно порожие. Разговор был вполне серьезный. Мама сразу же позвонила на работу к папе и сообщила, что вылетает ко мне. Отец тогда же решил, что тут нужен мужчина, и решил полететь сам.

Папа взял на несколько дней отпуск, который ему немедленно предоставили по такому из ряда вон выходящему случаю, через час уже приехал домой, и они все трое к вечеру выехали на аэродром.

Как удалось Илье протащить отца через аэродромных часовых, я точно не знаю. Но Илья настолько хорошо ориентировался на аэродромах и его, в свою очередь, так все хорошо знали, что, вероятно, это было не столь уж сложно.

Долетел отец вполне благополучно, однако первое впечатление на аэродроме было у него самое тяжелое.

спирт водой (так велела наша полковая врачиха, Марья Ивановна), то делал это весьма умеренно.

Все с интересом ожидали, как отец отреагирует, в смысле выпивки, на первый тост «За победу над фашизмом». Он отреагировал так: отпил немного, сделал удивленное лицо (крепко же!), отпил еще раз, еще раз удивился, поставил бокал на стол, отломил кусок белого хлеба, обмакнул в спирт и принялся жевать.

Восхищение присутствующих было неподдельным.

Вовка Синица сказал мне, что хотя ему и ясно, в кого я пошел насчет умения выпить, но что мне еще очень далеко до отца. Отец умел пить и не пьянел. Этим умением отличались у нас немногие, и это ценилось.

Короче говоря, отец понравился.

Назавтра, часа в три утра, мы отправились на аэродром, оставив отца спать. Утром он ушел осматривать город. Он шел по улицам, между развалин, в хорошей шубе, в каракулевой шапке «пирожком». Шуба была старинная, мех — лира, цветастый, черный с белым, на отворотах виден. Примерно через час его привели в комендатуру для проверки данных (как так: «этот фриц» утверждает, что он советский, в гостях у сына). Отец, на счастье, запомнил фамилию командира полка, и к нам в штаб позвонили. За отцом пришел парторг полка и увел его с собой. Через парторга отец познакомился с техническим составом, с нашими метеорологами. С ними он стал ходить в столовую и на аэродром. Он

**И. А. Вигдоров (справа)
с однополчанами.
Восточная Пруссия,
весна 1945 года.**

После первого вылета часть самолетов вернулась обратно с бомбами, так как цель случайно затянуло неожиданно подернувшимся с моря туманом. В те дни мы частенько подвешивали трофейные немецкие бомбы и отвозили их к «хозяевам». И вот что случилось: при посадке одного из самолетов оборвалась 500-килограммовая немецкая бомба и взорвалась прямо на нашей ВПП (взлетно-посадочная полоса).

Этот взрыв и было то первое, что увидел на аэродроме отец. Илья поспешил увести отца ко мне и настрого запретил выходить из комнаты.

К вечеру пришел от командира полка посыльный и передал мне, что отца приглашают на ужин в летнюю столовую. Когда мы вошли, летчики шумно нас приветствовали. Всем здорово понравилось, что старый отец прилетел на фронт. Это было впервые, что кому-то из отцов такое дело удалось. Отец не дичился военных, всегда их любил и быстро овладел вниманием всего стола. Его расспрашивали о Москве, о жизни в тылу, об институте. Нас все это здорово интересовало, так как война, полеты, смерть — это мы все видели каждый день здесь, а вот тыл, Москва, какой-то институт — это другое дело.

Вместо водки, как это часто бывало, нам выдали положенный фронтовой паек спиртом. Кроме того, в последние дни мы летали часто по два-три раза в день. А тыловики как-то сопоставляли положенные сто грамм с количеством самолетовывлетов, так что нашим старшинам без труда удавалось в такие жаркие дни добывать спиртоводочное довольствие в удвоенном, а то и в утроенном количестве. Короче говоря, за ужином спирту хватало, и налит он был в большие трофейные бокалы. При этом, если кто и разводил

научился считать, сколько самолетов вышло на задание и сколько самолетов возвращается обратно. Так как летало несколько эскадрилий из двух соседних полков, то иногда он хватался за сердце, видя, что идет пятерка вместо ожидаемой девятки, а иногда удивлялся, что идут девять самолетов, хотя вылетело только семь. Но вообще-то самолетов уходило, как правило, больше, нежели возвращалось... И бывало так, что не возвращался кое-кто из тех, с кем отец уже познакомился. Отец за три дня осунулся, побледнел, у него стали часто дрожать руки. Он очень переживал потери, и, возможно, ему чудилось, что в самолетах, которых он недосчитывался, мог быть и я. Он уже начал вскакивать вместе с нами под утро и глядеть на облачность (этому его научил метеоролог Костюченко), с надеждой говорил: «Облачность 200 метров, возможны обложные осадки, летать сегодня нельзя» и т. д. В общем, было ясно, что отца нужно срочно отправить домой. Илья Мнухин куда-то, как назло, улетел. Пришлось договариваться со случайно

оказавшейся у нас известной транспортной летчицей Козловой, чтобы взяла с собой папу.

Папа долетел благополучно до одного из подмосковных аэродромов, где его передали прямо в руки коменданта.

Комендант удивился ловкости старика, умудрившегося слезть к сыну на фронт, и на своей машине отправил его домой.

Отец весьма гордился всей этой историей, на людях важничал, сделал на кафедре доклад о своем «пребывании на фронте». Однако ночью, лежа в постели, он маме с дрожью в голосе рассказывал все, что видел, и они вместе переживали судьбу мою и моих товарищей.

*

Я прочитала это письмо девочкам вслух. Галя уверяет, что помнит Мнухина.

25 сентября 49.

Саша прочитала в «Мурзилке» такие стихи:

Поступил я осенью
В школу в первый А,
Я считаюсь школьником
С первого числа.

И так далее — про мальчика-первоклассника. Кончалось стихотворение так:

И меня учитель
Молодцом назвал,
Первую пятерку
Ставит мне в журнал.

Саша придумала, как переделать стихи, чтоб все было про девочку:

Я поступила осенью
В школу в первый А,
Я считаюсь школьницей
С первого числа.

.....
И меня учитель
Умницей назвал,

и т. д.

«Мурзилка» пришла в тот час, когда у нас была Сашина учительница, Александра Ильинична. Она сказала Саше, чтоб мы завтра принесли переделанные стихи в класс, — и девочки их разучат.

На другой день Саша с упоением докладывала:

— Александра Ильинична прочитала стихи и сказала: «Это Саша Раскина их переделала». И все глаза *устремилась* на меня с уважением. И на перемене девочки позвали меня: «Саша, пойдем играть!» А прежде они меня не звали. Видишь, сделаешь для всех что-нибудь хорошее, и все сразу начинают уважать.

27 сентября 49.

Какой несчастный у нас сентябрь. Саша второй раз болеет: воспаление среднего уха.

6 октября 49.

Саша пошла в школу.

*

Галя:

— Мама, тебе нет никакого смысла кого-нибудь рожать: ведь Шура не позволит мне его нянчить, а тогда — как же ты справишься? Тебе ведь будет очень трудно.

8 октября 49.

Сегодня Шура 35 лет.

Саша снова захворала: горло, температура 37,7.

9 октября 49.

Шура долго притворялся, будто ему совсем все равно, как Саша станет учиться. Он даже делал вид, что терпеть не может отличников. Но теперь каждая клякса в Сашиной тетради волнует его больше, чем Сашу. Он справляется, сделала ли она уроки, написала ли, как задано, «папа, лапа и паук», знает ли, сколько будет 3+4. А на днях был на родительском собрании. И уже крупно поговорил с директором на тему о том, что в коридорах холодно.

И. А. Вигдоров с отцом Абрамом Григорьевичем, невестой Машей и племянницей Сашей.
Лето 1947 года.

10 октября 49.

Галя, рассматривая альбом по древней истории, который я привезла ей из Ленинграда:

— Братья Гракхи — вот это были люди!

*

Галя рассказывает, что весь ее класс *болеет* за карфагенян против римлян. Карфагенян любят, им сочувствуют, а римлян ненавидят.

*

Саша:

— Мама, посмотри, как тут написано в книге «За власть Советов»: «Из них такие же саперы, как из г. пули». Что такое «г»?

— Это ругательное слово.

Саша молчит, а потом говорит задумчиво:

— Знаешь, мама, я *предполагаю*, что это коровьи лепёшки.

14 октября 49.

Галя, вернувшись из школы:

— Кто пришел? Это я пришла: звеньевая первого звена! Меня только что выбрали!

Видно было, что польщена.

28 октября 49.

Сашенька снова больна. Жалко ее до слез. В школу, о которой столько мечталось, она ходила не больше десяти дней за два месяца. Праздники пропустит.

31 октября 49.

У Саши была высокая температура, и она никак не могла уснуть.

— Приляг ко мне! — сказала она. — Я от материнского тепла непременно усну.

Я прилегла, и она действительно уснула. И потом много раз повторяла: «Материнское тепло — это первое лекарство».

1 ноября 49.

Саша, с отчаянием:

— Табеля я не получу... В октябрюта меня не примут... На утреннике я не буду... Господи!..

4 ноября 49.

Саша:

— Как собака чует шаги своего хозяина, так и я по звонку чую папу.

5 ноября 49.

Саша:

— Папа, ты жил при царе?

— Да, три года.

Саша, с глубоким сочувствием:

— Плохо тебе было?..

*

Письмо Александры Ильиничны:

Дорогая Саша!

Все девочки шлют тебе привет и желают хорошего веселого праздника. Посылаем тебе звездочку.

Мы уже октябрята.

Саша, учись писать заглавные буквы А, С. Примеры решай №№ 191, 192.

Крепко тебя целую.

Света шлет тебе особенный привет. Она стала лучше учиться.

Любящая тебя — твоя учительница.

Привет папе и маме.

7 ноября 1949.

Саша:

— Мне очень хочется, чтобы всем людям жилось хорошо, чтобы все были свободны.

*

Лена Кузнецова здороваётся со мной по несколько раз на день: сколько раз увидит, столько раз и здороваётся.

— Зачем ты так часто здороваешься с тетей Фридой? — спрашивает ее мать.

— А она, знаешь, как отвечает? — мечтательно говорит Лена. — Она отвечает: «Здравствуй, солнышко!» Потому я и здороваюсь.

*

Саша читает «Принца и нищего». Читает и комментирует:

— Гуго — черт. А леди Эдифь хорошая или плохая? Не могу понять, но подозреваю, что не очень хорошая: она не хотела уйти от Гуго. Если б она была такая уж хорошая, зачем ей нужен был такой плохой муж? А принц — хороший или плохой? Не пойму. Как будто бы и хороший. Но какой же он хороший, если он говорит человеку, который его спас: «Как ты смеешь сидеть в моем присутствии?»

*

На Сашин вопрос: «Видел ли ты когда-нибудь мать-героиню?» Шура, не задумываясь, ответил: «Я видел отца-героя».

Кого он имел в виду — понять нетрудно.

11 ноября 49.

Саша:

— Важен не чин, важен характер. Понимаешь? Главное не какой у человека чин, а какой у него характер.

*

Саша:

— Мама, я понимаю тебя по одному жесту́.

— Жё́сту!

— Жё́сту? Хорошо. Так вот, я понимаю тебя даже, когда ты ничего не говоришь. Вот, например, я тебя чего-нибудь спрашиваю, а ты поднимаешь брови, — значит, ты удивляешься или не понимаешь. Вот ты нахмурила брови — значит, сердисься. Если закусила губу — значит, опять сердисься. Я знаю по твоим глазам, когда ты удивляешься, а когда огорчаешься.

12 ноября 49.

Сашка только и делает, что обобщает:

— Хороший человек, если напьется пьяный, становится веселый, поет песни или засыпает. А плохой человек, если напьется, — начинает драться или ругается злыми словами.

В школу еще не ходит. Тощая, бледная, зеленая. Жалкая такая.

16 ноября 49.

Впервые после месячного отсутствия пошла в школу. Утверждает, что Света Копейкина была так рада, так рада, что даже не

могла сосчитать, сколько будет 10+10. А на переменке от радости Света Копейкина прыгала и плясала.

*

Галя:

— Мама, у меня к тебе страсть.

— Что это значит?

— Это значит, что я тебя очень люблю.

*

Саша читает «Хижину дяди Тома».

— Плачешь? — спрашивает Шура. (Издвательноски.)

— В душе, — говорит Саша. — Внутренне, — добавляет она подумав.

20 ноября 49.

Саша:

— Мама, все великие писатели умерли — что это значит?

*

Саша опять больна.

Теперь «Хижину» читает Галя. Потеряла сон и аппетит. Дойдя до страниц, описывающих смерть Тома, бросила книгу и почти со слезами заявила:

— Не буду читать дальше!

— Я тоже так решила, но интерес победил, — сказала Саша.

— Что это значит «интерес победил»?

— А в книгах всегда так пишут: «Совесть победила», «Скупость победила».

1 декабря 49.

Саша:

— Сколько есть на свете прощальных слов: до свидания, прощайте, всего хорошего, будьте здоровы, счастливо оставаться...

2 декабря 49.

Саша:

— Что такое брак?

Галя:

— Вот Изя с Машей поженились, значит, они заключили между собой брак.

Саша, с изумлением:

— Ну что ты... Тут написано: «При обнаружении брака просим сообщить...»

9 декабря 49.

Саша:

— Мама, когда ты была маленькая, для тебя ученье было когда-нибудь мученьем?

— Нет, никогда. Я любила учиться.

Саша:

— И я люблю. А Галя иногда садится делать уроки и говорит: «Одно мученье».

*

Саша:

— Папа, смотри, что тут написано: «Мальчик ругался матерными словами». Какие же это слова — матерные?

Шура поперхнулся, несколько даже подавился, но вышел из трудного положения с честью:

— Это плохие слова, слова, которые нельзя произносить при матери.

Но Саша возразила:

— Тогда все ругательные слова — матерные. Потому что какие же плохие слова можно произносить при своей матери?

Через полчаса Шура сказал по какому-то поводу:

— Какое хамство!

И Саша спросила:

— Зачем же ты ругаешься матерными словами?

10 декабря 49.

Проблема Светы Копейкиной стоит перед нашей семьей во всей своей остроте. Она сидит с Сашей на одной парте и не дает ей покою: то хватается за ногу, то дует в ухо (?!), то макает палец в чернила и проводит этим самым пальцем по Сашиним волосам. Придя в отчаяние, Саша спросила: «Ты разве со мной не дружишь?»

Ф. А. Вигдорова.
Карандашный портрет работы **Е. В. Пастернак.**
40-е годы.

на что находчивая Света ответила: «Я с тобой дружу, но сейчас с тобой не вожусь».

Саша долго совещалась с Шурой, как быть. Шура давал ей какие-то советы. На другой день Саша, примчавшись из школы, завопила еще с порога:

— Мама, какой интересный разговор был со Светой Копейкиной. Послушай: я ей говорю: «Света, ты мне товарищ?» А она говорит: «Я тебе не только товарищ, но и друг, не знаю только, как ты мне». «Я тебе тоже друг, — сказала я. — И я тебя прошу: не мешай мне на уроках. Я ведь много пропустила. Вы знаете уже весь алфавит, а я только половину. Если ты будешь дуть мне в ухо, я отстану от вас и останусь на второй год, а мне это будет очень неприятно». И Света мне совершенно перестала мешать. Мне даже сделалось как-то скучно...

12 декабря 49.

Непонятные слова Саша всеми способами старается сделать для себя осмысленными. «Георгиевский крест» она называет «Героевским». Услышав про политэкономия, сказала: «Ипполит-экономика».

23 декабря 49.

Саша:

— Если бы у меня была волшебная палочка, я прежде всего сделала бы так, чтоб ожил Владимир Ильич. Потом, чтоб был жив Галин папа. Потом, чтоб ожили все великие, хорошие люди прошлых веков. А потом я взмахнула бы палочкой в последний раз, чтоб стал коммунизм...

Она же:

— Мама, почему такие маленькие незаметные буквы, как «а», «и», называются таким большим словом СОЮЗ?

26 января 50.

Сегодняшний день должен быть отмечен особо — вернувшись вечером домой, я нашла на столе такую записку: «Прочла

Шекспира “Ромео и Джульетта”. “Король Лир” больше понравился, плакала. Нет ли еще чего-нибудь вроде этого? Галя».

30 января 50.

Саша:

— Мама, знаешь, я боюсь, что я такая же чesлавная, как Андрей Морозов [Тичеславный, себьялюбивый мальчик из книги Ф. А. «Мой класс». — А. Р.] из твоей книжки. Мне это очень неприятно.

— А почему ты так думаешь?

Саша:

— Я не огорчаюсь, когда у других двойки. Я, конечно, не радуюсь этому, но и не огорчаюсь.

*

Александра Ильинична болеет, и ее замещает молодая учительница Татьяна Михайловна. Саша любит ее:

— Знаешь, какая она хорошая? Умная, справедливая, добрая.

— И красивая? — спрашиваю я.

Саша отвечает, подумав:

— Возле тебя, конечно, нет. Но вообще — красивая.

Я была ошеломлена таким ответом.

*

Саша:

— У нас сегодня в классе все девочки кричали: моя мама лучше всех! И так и не решили, чья мама лучше.

— А про папу не кричали?

— Нет, про папу ведь ничего не говорится в «Родной речи».

А про маму есть очень хороший рассказ, вот послушай: на улице в толпе заблудилась маленькая девочка. Бегаёт, кричит, ищет свою мать. Народ спрашивает у нее: «Какая же твоя мама?» А девочка сквозь слезы говорит: «Разве вы не знаете? Моя мама та, что лучше всех».

*

Света Копейкина оказалась подлюгой. На уроке она подняла руку и сказала учительнице:

— Татьяна Михайловна! А Саша Раскина ест конфету!

Учительница велела Саше в наказание встать и стоять до конца урока. Саша стояла, а Света Копейкина смеялась и злорадствовала.

Саша рассказывала об этом очень удрученно. И с удивлением.

*

Когда тетя Аня хворает (это случается редко), мы готовим на обед сосиски. И Галя, и Саша очень их любят. Любят тем больше, чем реже их едят. И вот Галя говорит:

— При коммунизме можно будет есть сколько угодно сосисок.

Саша не согласилась:

— Разве коммунизм в этом заключается? Это уже не коммунизм, а едунизм!

*

Саша читает «Дети горчичного рая» [2]. Плачет-заливается.

— Эта книжка лучше «Хижины дяди Тома», — говорит она. — Хотя та книжка тоже про негров.

10 февраля 50.

Восьмилетняя племянница Ильи Львовича спрашивает:

— Мама, кто такой Карл Маркс?

Мать объясняет — подробно, толково.

Девочка:

— Подумать только, такой великий человек, а никто о нем ничего не знает.

16 февраля 50.

Саша про дедушку лорда Фаунтлера:

— Граф Доринкур был хороший человек. Но он был граф, и это его испортило.

(Продолжение следует)

[1] Изя — Исаак Абрамович Вигдоров, брат Ф. А.

[2] Повесть советской писательницы А. Кальмы о негритянских детях Америки сороковых годов двадцатого века.